

О. А. Илюхина

Соборность в представлении профессоров университетов и духовных академий — участников Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг.

УДК 271.2-732.3-9
DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_182
EDN LXCRM1

Аннотация: Статья посвящена изучению концепта «соборность» в представлениях профессоров университетов и духовных академий — участников Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. В центре внимания автора дискуссия о содержании этого термина в Отделе о высшем церковном управлении в сентябре-октябре 1917 г. Автор обращается к протоколам соборного отдела и анализирует представленные в ходе обсуждения аргументацию и источники взглядов профессоров на соборность. В выводе исследования подчеркивается, что дискуссия стала инструментом самоопределения ученой элиты в новых политических условиях. Соборность оказалась тесно связана с проблемой восстановления патриаршества и устройством высшего церковного управления, ролью мирян. Все докладчики поддерживали мнение, что соборность — это свойство Церкви, принцип ее жизни, характеристика единства всех верующих в ней. При обосновании необходимости большего участия клириков и мирян в церковных делах все они, за исключением А. И. Покровского, признавали особый статус архиерея в принятии решений. Одновременно не все из них поддерживали восстановление патриаршества, и это для многих представлялось угрозой соборности и поражением в правах прежде всего епископов, а не мирян. Достижение соборности не было требованием власти. Соборность стала концептом, обосновавшим желание единства верующих: мирян, клириков, епископов, осенью 1917 г., когда был открыт Собор. Ученые стали в данном случае теми, кто вербализовал и обосновал ожидания церковного сообщества.

Ключевые слова: Поместный Собор 1917 г., российские университеты, духовные академии, профессора, соборность, высшее церковное управление.

Об авторе: **Ольга Александровна Илюхина**

Аспирант кафедры истории России XIX века — начала XX века Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: o.a.ilyukhina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8733-5177>

Для цитирования: Илюхина О. А. Соборность в представлении профессоров университетов и духовных академий — участников Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. // Христианское чтение. 2023. № 4. С. 182–193.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 10.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2023

Olga A. Ilyukhina

Sobornost (Conciliarity) as Treated by Professors of Universities and Theological Academies – Participants of the All-Russian Local Council of 1917–1918

UDK 271.2-732.3-9

DOI 10.47132/1814-5574_2023_4_182

EDN LXCRMI

Abstract: The article is dedicated to the study of the concept of “sobornost” (conciliarity) as treated by professors of universities and theological academies who participated in the 1917–1918 All-Russian Local Council. The focus is on the discussion of the meaning of this term held at the Department for Higher Church Administration in September–October 1917. Analysis is made of the arguments and sources of the professors’ perspectives on conciliarity during the discussions as presented in the minutes of the Council Department. The conclusion emphasizes that this discussion served as a means for the intellectual elite to define their role in the new political context. Conciliarity turned out to be closely linked to the issue of restoring the patriarchate and the structure of higher church administration, as well as the role of laypeople. All the speakers shared the opinion that conciliarity was an attribute of the Church, a principle of its life, and a characteristic of the unity of all believers within it. While advocating for greater involvement of clergy and laity in church affairs, all the speakers, except for A. I. Pokrovsky, recognized a special status of the higher clergy in decision-making. However, not all of them supported the restoration of patriarchate, which was seen by many of them as a threat to conciliarity and deprivation of rights of bishops in the first place rather than laypeople. Achieving conciliarity was not a demand of the authorities. Conciliarity became a concept that justified the desire for unity among believers: laypeople, clergy, and bishops in the fall of 1917 when the Council was convened. Under these circumstances, scholars were the ones who verbalized and justified the expectations of the church community.

Keywords: All-Russian Local Council of 1917, Russian universities, theological academies, professors, conciliarity, sobornost, higher church administration.

About the author: **Olga Alexandrovna Ilyukhina**

Ph.D. Candidate at the Department of Russian History of the 19th – early 20th Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: o.a.ilyukhina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8733-5177>

For citation: Ilyukhina O. A. Sobornost (Conciliarity) as Treated by Professors of Universities and Theological Academies – Participants of the All-Russian Local Council of 1917–1918. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 4, pp. 182–193.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 10.04.2023.

15 (28) августа 1917 г. состоялось торжественное открытие Поместного Собора Русской Православной Церкви. Ключевым понятием для его участников стало понятие «соборность». Идея соборности имела особое значение для церковных ученых. Именно в связи с ней ученые смогли обрести новую корпоративную идентичность: на Соборе 1917 г. ученые ощутили себя церковной элитой, которая может и должна блюсти стержень новой экклезиологии — соборность. В приветствии Собору от представителей духовных академий профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич подчеркнул, что «соборность — это есть душа Православной Церкви, это есть биение пульса церковного организма, его жизненный нерв, от движения которого зависит самая жизнь Церкви; движется этот нерв — и жизнь Церкви поддерживается, замирает это движение — и жизнь Церкви замирает. Все это ясно видят, все это понимают; но это особенно ясно, это особенно понятно для нас — представителей богословской науки, имеющих возможность глубже, всестороннее постигнуть как самое существо начала соборности, так и все следствия его практического осуществления в жизни» (Документы, 2015, 43). Цель данной работы — реконструкция представлений профессоров и преподавателей российских университетов и духовных академий о концепте «соборность».

Историки, канонисты, богословы разных христианских конфессий неоднократно обращались к вопросу реализации принципа соборности в проектах Поместного Собора [Jockwig, 1971, 185–213; Oeldemann, 1992, 273–300; Schulz, 1995; Цыпин, 2004, 156–167; Дестивель, 2008; Савва Тутунов, 2011; Беглов, 2016, 51–73; Беглов, 2021]. Она видится исследователям в увеличении роли клириков и мирян на Поместном Соборе, где они составили большинство, а также в допуске их к церковному управлению на всех уровнях. Для исследователей характерен институциональный подход: соборность изучается прежде всего как демократический принцип организации управления Церковью.

Преимущественно исследователи обращались к наиболее доступным источникам: протоколам пленарных заседаний Собора — «Деяниям», в то время как необходимо изучение и архивных материалов, отражающих работу соборных отделов. Обсуждение содержания понятия «соборность» было открыто в Отделе о высшем церковном управлении, в протоколах и журналах которого и оказались зафиксированы основные положения дискуссии. Отдел о высшем церковном управлении начал свою работу 2 сентября 1917 г.¹ На первых, организационных собраниях отдела было поручено подготовить доклады об итогах работы предсоборных комиссий. Познакомить собрание с мнениями участников Присутствия и Совещания просили профессора Петроградской духовной академии, доктора церковной истории И. И. Соколова, Совета — профессора Киевской академии, доктора церковной истории В. З. Завитневича (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 10–11). Доклады были представлены на третьем заседании отдела 11 сентября.

Основой для формирования позиции проф. Соколова о церковной реформе в России стали его научные работы. Его докторская диссертация «Константинопольская Церковь в XIX в.» была посвящена структуре управления этой Поместной Церкви, роли патриарха в ее жизни. В исследуемый историком период 1797–1901 гг. престол занимало 26 патриархов, каждый из которых избирался (иногда и неоднократно) в среднем на три года. Частую смену патриархов Соколов связывал с интригами Порты, а также с возросшей ролью клириков и мирян, которые, получив доступ к церковным собраниям, «внесли национально-политический элемент в церковную жизнь»: образование постоянного смешанного народного совета он считал «самым крупным недостатком церковной реформы» во второй половине века. Одновременно автор дал блестящую характеристику Вселенским патриархам: «Но, несмотря на всю неустойчивость патриаршего престола, Вселенские патриархи XIX в. обнаружили изумительную церковно-общественную деятельность. Бесспорно, почти все они были

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

лучшими мужами своего времени и народа, просвещенными, высоконравственными и самоотверженными, — прекрасно понимали задачи и потребности Церкви и народа и прилагали всю энергию для прохождения своего исключительного служения. На первом плане у них было точное соблюдение церковных догматов, правил нравственности и канонов» (Соколов, 1904, 690–691). И. И. Соколов стал одним из наиболее ярких и последовательных апологетов патриаршества.

В своем докладе 11 сентября в Отделе о высшем церковном управлении И. И. Соколов пересказал основные предложенные в Присутствии мнения об организации управления Церковью, о понимании соборности и практическом выражении ее в церковной реформе. Речь шла о соотношении принципа соборности с существованием Синода, статусом первоиерарха и периодичностью, составом церковных Соборов. Указывая на принципиальное различие в представлениях о соборности у членов и Присутствия, и Совещания, И. И. Соколов призвал обсудить содержание понятия, считая, что это должно помочь в дальнейшем решению более конкретных вопросов организации высшего управления Русской Церкви (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 17, 19–19 об.). Интересно отметить, что предложение обсуждать соборность поступило от сторонника восстановления патриаршества.

И сразу же, в следующем выступлении В. З. Завитневича, была представлена экспозиция основных аргументов противников восстановления патриаршества. Завитневич рассказал о решениях Предсоборного совета и подробно остановился на аргументах за и против патриаршества. По его мнению, восстановление патриаршества есть не столько историческая необходимость, сколько определенное эмоциональное настроение, «о патриаршестве говорят люди поэтически настроенные», т. е. непрактичные, которые видят в патриархе «сердце церковного организма», от которого «радиусами расходятся лучи благодати». Однако в реальности, как считал Завитневич, основываясь на примерах истории, Церковь, возглавляемая одним человеком, станет, во-первых, зависима от его нравственных качеств, а во-вторых, весьма управляемой: патриарх — «уязвимый пункт Церкви, когда можно было взять главу Церкви за узду и вести в любую сторону» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 20 об. — 21).

Соколов и Завитневич были теми, кто работал над церковной реформой с самого начала дискуссии: до Поместного Собора они потрудились и в Присутствии 1906 г., и в Совете 1917 г. Таким образом, в предсоборных форумах о соборности и церковном управлении соборникам действительно была представлена палитра мнений, а заодно и перенесена на эту новую площадку дискуссия двух представителей конкурирующих групп сторонников и противников восстановления патриаршества.

С предложением И. И. Соколова согласились: на следующем заседании 12 сентября было решено открыть обсуждение соборности «во всей широте этого вопроса» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 26). Подведены итоги дискуссии были 22 сентября (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 96 об.). Таким образом, отдел посвятил этому вопросу шесть встреч с 12 по 22 сентября, в которых принимало участие от 92 до 106 человек. За это время было заслушано не менее 70 выступлений. Обращает на себя внимание, что при большом количестве докладчиков (учитывая краткий срок) участие епископов в обсуждении минимально. Например, 22 сентября из 22 выступлений только три принадлежало епископам: архиеп. Антонию (Храповицкому), еп. Гермогену (Долганеву) и председателю отдела еп. Митрофану (Краснопольскому). Дискуссия о соборности велась преимущественно мирянами с небольшим участием клириков и епископов. Важно, что 21 из 70 выступлений в отделе (почти треть) принадлежало 16 преподавателям российских университетов и духовных академий. Выступили девять профессоров духовных академий: прот. А. Рождественский, В. З. Завитневич, И. А. Карабинов, П. П. Кудрявцев, П. Д. Лапин, Ф. И. Мищенко, И. В. Попов, В. П. Рыбинский, И. И. Соколов; 6 профессоров университетов: прот. Н. Боголюбов, прот. А. Смирнов, С. А. Котляревский, М. А. Остроумов, А. И. Покровский, Н. Н. Фиолетов и приват-доцент Московского университета А. Ф. Одарченко. Важно отметить, что до 1906 г. ученые степени были получены только пятерыми из них: М. А. Остроумовым (защита

в 1894 г.), прот. А. В. Смирновым (1900), В. З. Завитневичем (1902), И. И. Соколовым (1904). А. Ф. Одарченко не имел ученой степени (был магистрантом политической экономики). Остальные 10 ученых (т. е. 2/3) защищались в период обсуждения церковных реформ и были представителями нового поколения ученых.

Первым после объявления начала дискуссии 12 сентября 1917 г. выступил профессор Киевского университета святого Владимира, доктор богословия прот. Николай Боголюбов. Главной темой его выступления стало согласование индивидуального и общественного в соборности и полемика с недавно выступившим проф. Завитневичем. Профессор указал на различие христианского и юридического толкования термина. По его мнению, «соборность» — это особый термин, отражающий принципиально иную, духовную реальность, и поэтому он не может быть передан юридическими терминами: «Нет, соборность — не просто общественность. Это специфическое христианское понятие. Церковь — не просто общество, а своеобразное расчленение целого, имеющее своим краеугольным камнем Христа» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 27).

Собственным понимание соборности связано с экзлезиологией прот. Николая. Он использовал сравнение Церкви с живым организмом: Церковь есть «Тело Христово» — и, соответственно, как организм она может быть устроена только иерархически. Каждая часть организма должна выполнять свою задачу, «чтобы ни один член не присваивал себе функции целого, не отождествлял себя со Христом, а, служа целому, содействуя росту всего тела, освобождался от своей условности и исключительности и утверждал Христа как единственный источник своей жизни». Из этого следует, что иерархическая организация Церкви не противоречит соборности в ее христианском понимании: «Это живое стремление к совлечению с себя „ветхого человека“, проникающее Церковь как Тело Христово, и служит основой соборности». Задача церковной соборности — «освободить человеческую личность от ее ограниченности». Таким образом, соборность оказывается иррациональным средством спасения в церковном единстве, в котором достигается расширение греховной и ограниченной человеческой личности путем ее приближения к идеальной личности Христа. Священник — образ Христа — в таком случае оказывается более совершенной личностью, из чего о. Николай вывел и необходимость первоиерарха: «Соборность не противоречит идее патриаршества, а находит в ней свое необходимое восполнение». Докладчик тут же пояснил, что «соборное управление Церковью без первоиерарха, все равно — называется ли он митрополитом или патриархом — привело бы к обезличиванию пастыря, а отсюда к угашению духа» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 27–29).

Если обратиться к публикациям о. Николая, станет понятно практическое приращение церковного учения к жизни российского общества. Так, в начале столетия он в статье «Современный индивидуализм и „интеллигентное мещанство“» отметил, что при всеобщем преклонении перед индивидуализмом, личностью, общей тенденцией является рост массового сознания: «В современной жизни не только не чувствуется роста личности, а напротив, все яснее и яснее в ней выступает безличное начало, все более и более широкие размеры принимает в ней толповое сознание» (Боголюбов, 1908, 66). Профессор очень чутко отметил одну из главных черт нового столетия — «века масс». Соборное церковное единство — это путь к преодолению кризиса индивидуальности, по его мнению.

Следующим выступившим ученым был профессор Казанской духовной академии, магистр богословия П. Д. Лапин. Лапин — ученик профессора казанских высших школ, известного канониста И. С. Бердникова. Под его руководством в 1909 г. Лапин защитил магистерскую диссертацию на тему «Собор как высший орган церковной власти. Историко-канонический очерк» (Лапин, 1909). Бердников был участником Предсоборного присутствия 1906 г., и, видимо, поэтому магистерская работа его ученика оказалась связана с актуальными вопросами церковной реформы².

² К сожалению, И. С. Бердников не дожил до Поместного Собора: он умер в 1915 г., но его научно-исследовательское направление было представлено его учениками, в частности П. Д. Лапиным.

П. Д. Лапин, специалист по каноническому праву, представил слушателям доклад о канонических основах соборности. Профессор сделал вывод, что в идеальной ситуации Церковь должна управляться Собором, причем его полноправными членами могут быть лишь епископы. По его мнению, участие в российском Св. Синоде клириков с правом решающего голоса — беспрецедентная ситуация и отклонение от канонической максимы. Вместе с тем Лапин замечает, что в современной России епископы уже не избираются общинами и могут быть недостаточно компетентны в местных вопросах, поэтому он считает допустимым скорректировать обсуждаемое правило и приглашать на собор клириков и мирян, но только с правом совещательного голоса (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 34 об. — 35). Получается, соборность, по Лапину, присуща Церкви всегда, но находит выражение в исторических изменяемых формах, что, если продолжить его мысль, в известном смысле оправдывает и синодальный период российской истории. Иначе его следовало бы признать неканоничным, а это бы ставило под вопрос благодатность церковных таинств и всю жизнь Русской Церкви в течение 200 лет. Примечательно, что мирянин П. Д. Лапин так же, как и выступающий до него проф.-прот. Николай Боголюбов, поддерживает авторитет епископа. Одновременно он обосновывает и расширение роли мирян в Церкви. Таким образом, концепция Лапина давала возможность для признания каноничными новых форм церковного устройства, иной баланс власти в Церкви относительно истории.

Соборяне также обратились и к церковнославянскому переводу «Символа веры». Профессор В. З. Завитневич, которого ранее прот. Н. Боголюбов упрекнул в юридическом понимании соборности, выступил с комментарием после доклада П. Д. Лапина. Профессор проанализировал этимологию слов «соборная» и «соборность». Завитневич считал, что словосочетание «соборная Церковь» появляется впервые в переводе свв. Кириллом и Мефодием термина «кафолическая». Таким образом, представление о соборности у Завитневича оказывается основано на толковании «Символа веры» и, соответственно, создает некоторую видимость апелляции к богословскому учению о Церкви: «Соборная церковь — соборные люди, собравшиеся со всех мест. <...> Соборность в том и заключается, что личность исчезает». Завитневич — исследователь богословия А. С. Хомякова, и в своем выступлении он представил попытку встроить его учение в общую богословскую систему: «Соборность — это единство человеческих душ, как правильно понимает Хомяков» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 36 об.). Таким образом, «соборность» у Завитневича оказывается термином, определяющим взаимоотношения людей в Церкви в некоторой горизонтали, но богословским, с его точки зрения.

Завитневичу возразил профессор Петроградской духовной академии, магистр богословия И. А. Карабинов. Карабинов привел другую версию толкования термина, которая соответствовала его позиции: «У греков „кафолической“ называется не всякая Церковь, а соборная-кафедральная — исключительно епископская» — и, следовательно, «соборность здесь разумеется в смысле Церкви епископской» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 41 об.). Карабинов выступал за сохранение уникального положения епископов в Церкви и против расширения полномочий мирян. Нельзя не обратить внимание на некоторую спекулятивность в выборе учеными аргументов.

Иная точка зрения на толкование терминов обнаружилась у профессора Киевской духовной академии, магистра богословия, канониста Ф. И. Мищенко. Профессор указал на две крайности, сложившиеся в церковной жизни: «клерикализм католиков» и «народовластие протестантов». По его мнению, особой чертой православия является то, что высшая власть принадлежит всей Церкви, то есть присутствует некоторый баланс: «Церковь выше и больше иерархии, как обнимающая и иерархию, и народ — а в ней миряне — не бесправный элемент. Только вся Церковь — субъект церковной власти. А вся Церковь — во всей ее кафолической, а не соборной только полноте». Понятия «кафолическая» и «соборная» не тождественны для Ф. И. Мищенко: «кафолическая» — характеристика церковной полноты, целостности. Отсюда и практический вывод: Собор является выражением церковной

полноты, кафоличности. «Собор тем лучше, чем полнее он выражает голос той Православной Церкви, которая никогда не лишала мирян слова». При этом участие мирян не означает поражение в правах епископов: Мищенко обращает внимание на то, что епископы по благодати священства имеют неотъемлемые права (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 43–43 об.). Тем не менее из поддержки епископата не следует необходимость восстановления патриаршества. Несколько позже Мищенко снова выступит в поддержку соборности и против патриаршества: «нет смысла копировать политический строй Византии». Докладчик считал, что власть каждого епископа в епархии должна быть единоличной, как того, кто рукополагает, но при этом отрицал необходимость и историческую обоснованность такой власти в масштабе Церкви (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 91–91 об.).

Близким к этой части дискуссии стало выступление почетного профессора Харьковского университета, доктора церковного права М. А. Остроумова, который считал, что выступающие смешивают разные понятия: «Здесь часто смешивают Церковь и соборность. Но Церковь едина. В ней не собираются, а объединяются все со Христом». Остроумов в своей попытке богословского осмысления оказался близок прот. Н. Боголюбову и, таким образом, напомнил собравшимся о том, с чего началась дискуссия. Профессор обратил внимание, что основой единства Церкви является «единение со Христом – умопостигаемое, мистическое». Такое единство укоренено в таинстве Евхаристии: «Единение в любви – следствие единения в Евхаристии» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 55 об. – 56).

Суммируя предлагаемые в первой части дискуссии определения соборности, можно выделить, что все докладчики подчеркнули богословский характер термина. Соборность была представлена как сакральное свойство Церкви, которое может проявляться по-разному, как в отношениях верующих в Церкви, так и в организации управления. Вопрос о соборности практически сразу оказался увязан с проблемой атрибуции высшей власти в Церкви, ролью мирян в управлении и восстановлением патриаршества, что было во многом связано, по-видимому, с оппозицией мнению Завитневича. В ходе дальнейшей дискуссии все чаще докладчики будут говорить о своем отношении к институту патриаршества.

Приват-доцент Московского университета, магистрант политической экономики А. Ф. Одарченко призвал разграничить церковные явления от социально-политических. Анализируя представления об источнике истинного церковного учения в разных христианских конфессиях, он отметил, что у католиков носителем истины является папа, учащий *ex cathedra*, в протестантизме – каждый верующий, а согласно православному учению – церковная община. Вместе с этим Одарченко настаивал на том, что метод решения вопросов, характерный для демократических собраний, не способствует выявлению церковной истины. «Мы, конечно, должны отвергнуть демократические механические теории о том, что истина в большинстве голосов. <...> В Православной Церкви нет решающего голоса меньшинства и большинства – в епископах и мирянах». Особая роль в выявлении истины, по мнению Одарченко, принадлежит епископам: «Без иерархии, однако, народ не Церковь. Иерархия столб, вокруг которого вращается вся жизнь Церкви. Иерархия имеет сугубую благодать. Церковь всегда ожидала выявления истины от епископов. Но абсолютной истины не ожидала Церковь от одного только собора епископов». Получается, что выявление истины, согласно Одарченко, – функция прежде всего епископа, связанная с благодатными дарами, но в то же время хранительницей абсолютной истины является вся Церковь. Докладчик поддержал и восстановление патриаршества, но «канонически идеального»: патриарх должен быть не главой епископов, чем-то отличающимся от них, а организатором и объединяющим лицом для всех архиереев (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 44 об., 45 об.).

Профессор Петроградского университета, доктор богословия прот. Александр Смирнов, продолжив обсуждение, напротив, призвал слушателей «стать на жизненно-практическую точку зрения». Он считал, что докладчики, апеллировавшие

к церковным канонам, «оставались вне времени и пространства». По его мнению, каноны создавались в конкретное историческое время, а значит, в какой-то части могут быть неактуальны для современности. Таким образом, вопрос о роли мирян на Соборах может быть решен в соответствии с нынешними потребностями Церкви. Однако и он также подчеркнул, что расширение участия мирян в церковных делах не отрицает особого статуса епископа: «конечно, высшие церковные вопросы решаются епископатам, и он же утверждает постановление мирян. Но не надо возлагать всю власть на епископов. Это разрушит церковность» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 52–52 об.).

За большее внимание к современным обстоятельствам выступил и выпускник Московского университета, профессор Пермского университета, магистр богословия Н. Н. Фиолетов. Фиолетов, самый молодой член Собора (26 лет), совсем недавно, в 1916 г., защитил магистерскую диссертацию «Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования». Исследователь предложил авторскую правовую концепцию: так как Церковь имеет социальную природу, укорененную в догматическом определении ее как Тела Христова, то можно говорить о том, что церковный социум является источником церковного правообразования. Обращаясь к примерам жизни Церкви в ранний период, Фиолетов делает вывод, что голос мирян на предварительной стадии обсуждения можно назвать совещательным, но после принятия решения епископами — и решающим: принять или не согласиться с итогами Собора. Молодой профессор нашел удачную мысль Ф. И. Мищенко и А. И. Покровского о том, что вывод из обозначения в источниках «Соборы епископов» об отсутствии там мирян равносильно тому, как если бы сказали, что «епископское богослужение» подразумевает отсутствие на нем клира и мирян (Фиолетов, 1917, 52, 60).

Свое выступление на заседании соборного отдела он посвятил этой же проблеме. По его мнению, постановка вопроса о соборности неверна. Необходимо обсуждать порядок «церковного общенародного признания (рецепции)». А ранние прецеденты: создание патриаршества, роль императора или его представителей на соборах, — это исторически обусловленные формы ее организации. Отсюда следует, что власть епископа — явление историческое, а соотношение возможностей различных церковных групп на Соборе — вопрос, который можно решить по-новому, сообразуясь с актуальной действительностью (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 54–54 об.).

Далее выступил профессор Новороссийского университета и Московской духовной академии, доктор церковного права А. И. Покровский. Доктором наук Покровский стал совсем недавно. Профессор в 1916 г. защитил в МДА докторскую диссертацию «Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование» (Покровский, 1914). Однако присуждение степени не было утверждено Св. Синодом, и только перед Собором, в 1917 г., А. И. Покровский был восстановлен в штате академии и ему была присвоена ученая степень. Исследователь опирается на труды католического епископа Карла фон Гефеле, профессора Лейпцигского университета Р. Зома и канониста, профессора Берлинского университета А. Гарнака. Ориентация на немецкую и прежде всего протестантскую научную традицию повлияла на его исследование.

На страницах монографии Покровский доказывал, что апостольский век был «эмбриональным периодом» церковной жизни, из которого развились и историческая Церковь, и соборный институт. В Отделе о высшем церковном управлении Покровский, вполне согласно логике протестантских коллег, призвал к обращению к первым трем векам христианства и борьбе с «позднейшими искажениями и поделками эпохи византинизма, прельщающей собой канонистов старой школы». Покровский считал, что строй церковного управления всегда приравнивался к гражданскому, соответственно, патриаршество становилось не традицией, к которой необходимо вернуться, а нововведением, модернизацией церковной жизни в Византийской империи, ставшей позднее традицией. Являясь сторонником революционных изменений в политической сфере, установления республиканской формы правления, он поддерживал

и аналогичное обновление управления Церкви — установление и здесь своего рода демократии (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 64 об. — 66 об., 72 об.).

На том же шестом заседании 16 сентября следующим выступил председатель отдела епископ Астраханский Митрофан. Он предпринял попытку подвести итоги дискуссии, длящейся уже три встречи. По справедливому замечанию преосвященного председателя, никто из ораторов не отрицал соборность — в этом собрании единодушно. Равно как и в том, что «соборность <...> есть внутренняя основа церковного единства». Архиерей поддержал увеличение роли клириков и мирян: «полнота жизни Церкви, как тела, требует проявления всех ее жизненных сил, что в деле церковного строения должны принимать участие все члены этого духовно-таинственного тела, взаимно друг друга восполняя и друг другу содействуя». Разногласия же членов отдела он связал с разницей представлений о реализации соборности в церковной истории (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 73–73 об.). Закончил свой доклад еп. Митрофан собственным обоснованием необходимости восстановления патриаршества — почерпнутым из административной практики. Синод, по его мнению, являлся безличным органом, «мало говорящим сердцу народа», «вера в сухой, безжизненный коллектив, где один указывает на другого и все остаются безответственными, пала окончательно». «Нужен патриарх — исполнитель соборных решений, опирающийся на голос всей верующей Церкви» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 78–78 об.).

Однако дискуссия не закончилась и продолжалась еще три встречи: выступили те, кто еще не успел высказаться. Из докладов профессоров интересны несколько. Профессор Московской духовной академии и приват-доцент Московского университета доктор церковной истории И. В. Попов подчеркнул, что в Церкви неизменна только догматическая сторона, а все то, что касается церковной дисциплины, т.е. каноны, может быть изменено. Главным условием для вводимых изменений является целесообразность и отсутствие угрозы «существованию Церкви». Ссылаясь на свт. Григория Богослова, который писал о том, что не знает Соборов, которые бы не принесли вреда Церкви, И. В. Попов несколько идеалистически призывал найти тот элемент в них, который следует исправить, с целью предотвращения разделений. И рецепт виделся ему в следовании соборности. В этом смысле соборность, с его точки зрения, должна служить опорой епископам и патриарху: «Конечно, решения (на соборах. — *О. И.*) выносят епископы, но они должны одобряться второй курией — клиром и мирянами, и если здесь встречается противодействие, то решение не должно приниматься. И конечно, епископам и патриарху лучше опираться на народ, повинующийся ему за совесть, чем действовать циркулярно» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 99, 100).

Профессор Московского университета, доктор всеобщей истории и доктор государственного права С. А. Котляревский — специалист по истории Католической Церкви в XIX в., выступил с предложением отделу перейти к выработке конкретных положений о высшем церковном управлении. Справедливо полагая, что непредсказуемость и радикализация политической ситуации могут привести к тому, что Собор будет закрыт, он призвал скорее решить вопросы об устройстве церковного управления. В своем выступлении он наметил контуры возможного решения. Так, Котляревский не увидел сложности в сосуществовании патриаршества и соборности: «История показывает, что жизнеспособность учреждений именно требует известного равновесия с элементами противоположными (например, нельзя проводить только монархию без демократии, или одну демократию). Поэтому мне кажется, соборность с некоторой единоличностью — это бы случайно разрешило поставленный вопрос» (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 101, 102). Таким образом, Котляревский предложил создать такую систему высшего управления Церковью, которая бы уравновесила индивидуальное и коллективное и скомпенсировала бы возможные недостатки каждой части.

Восстановлению патриаршества, правам и обязанностям патриарха соборянами будет уделено отдельное внимание, но, как видим, уже здесь, в начале работы отдела, некоторые из соборян достаточно определенно заявили свою позицию:

за высказались И. И. Соколов, прот. Н. Боголюбов, Ф. И. Мищенко, А. Ф. Одарченко, И. В. Попов, С. А. Котляревский, против — В. З. Завитневич, П. Д. Лапин, прот. А. Смирнов, А. И. Покровский. При этом против расширения прав мирян выступили только двое: И. И. Соколов и И. А. Карабинов. Общим для всех участников дискуссии стала аргументация особого статуса архиереев и укрепления их авторитета в Церкви. Таким образом, можно утверждать, что профессора, равно священники и миряне, выступили в поддержку епископата, а принцип соборности и участие мирян не нашли противоречащими канонической власти архиереев. Скорее наоборот, церковное единство («соборность») и миряне должны были стать ресурсом для реализации властных полномочий епископата. Одновременно нельзя считать противников восстановления патриаршества антиклерикалами: многие из них мотивировали необходимость сохранения коллегиального управления Церковью именно целью сохранить авторитет всех епископов, что ставилось бы под угрозу возвышением одного из них.

22 сентября прения о соборности завершились и отдел перешел к обсуждению формулы перехода к блоку следующих тем. Оно длилось три заседания — 22, 25 и 26 сентября. Первая из предложенных формул, принадлежащая князю Г. Н. Трубецкому, не отвечала на вопрос, что такое соборность, а предлагала восстановление сана патриарха и описывала общий принцип взаимоотношений патриарха и Собора, а также указывала на то, что высшая власть в Церкви принадлежит Поместному Собору. По итогам голосования (65 за и 36 против при 1 воздержавшемся) формула была принята (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220. Л. 119 об.). Она и была озвучена пленарному заседанию 11 октября 1917 г. в докладе еп. Митрофана: «Выслушав общие прения по вопросу о высшем церковном управлении и 1) принимая как исходное положение в дальнейших своих работах восстановление сана Патриарха, присвояемого между равными епископу, возглавляющему управление церковными делами Российской Православной Церкви и 2) вместе с органами этого управления подотчетном церковному Поместному Собору, Отдел переходит к дальнейшему рассмотрению законопроекта о высшем церковном управлении» (Документы, 2015, 445).

Как отметил в своем дневнике один из постоянных участников работы отдела архиеп. Арсений (Стадницкий), еп. Митрофан находился под влиянием яркого сторонника патриаршества архиеп. Антония (Храповицкого). Руководитель отдела принял решение опереться на большинство, высказавшееся в отделе за восстановление патриаршества, и вынести вопрос для скорейшего обсуждения на пленарных заседаниях, не дожидаясь тщательной разработки положений или других документов (Арсений Стадницкий, 2018, 86). В результате определение термина «соборность» не было утверждено в отделе, а на общих заседаниях открылась долгая дискуссия о согласовании принципа соборности и единоличной власти патриарха.

Подводя итог исследованию, следует сказать, что необходимость обсуждения концепта «соборность» была обоснована в докладе проф. И. И. Соколова и далее в дискуссиях с 12 по 22 сентября 1917 г. именно профессора и преподаватели российских университетов и духовных академий представили широкую доказательную базу, обосновавшую новую экклесиологическую программу Русской Церкви. Основой для формулирования собственной позиции для ученых стали исследования, посвященные истории Соборов, патриаршества, первых веков христианства. Ученые предлагали богословскую (прот. Н. Боголюбов, М. А. Остроумов), историческую (И. И. Соколов, А. Ф. Одарченко, И. В. Попов, С. А. Котляревский), каноническую (П. Д. Лапин, Ф. И. Мищенко, прот. А. Смирнов, Н. Н. Фиолетов, А. И. Покровский) аргументацию необходимости следования принципу соборности при организации управления Русской Церкви. В результате дискуссии о соборности в отделе произошла рецепция на личном уровне широким кругом верующих (в заседаниях участвовало до 106 человек) достижений церковной науки.

Вопрос о соборности был поставлен в отделе практически сразу после издания Временным правительством постановления о провозглашении России республикой

от 1 сентября 1917 г. Вполне естественно, что церковная соборность осмыслялась соборянами в связи с новым политическим устройством государства. Таким образом, дискуссия стала инструментом самоопределения ученой элиты в новых условиях. Соборность оказалась тесно связана с проблемой восстановления патриаршества и устройством высшего церковного управления, ролью мирян в делах Церкви и формами представительства верующих.

Важно отметить, что 10 из 16 выступивших ученых защитились в период активного обсуждения церковной реформы: в период 1906–1917 гг. Большинство ученых в отделе составили те, кто считал канон исторически обусловленным и, следовательно, изменяемым явлением. Это показывает новый этап в развитии канонического права. Примечательно, что если для П. Д. Лапина, более укорененного в академической традиции, неизменным остается соборный принцип, формы реализации которого хоть и меняются, но сам он остается прежним, то его коллеги из университетов прот. А. Смирнов, Н. Н. Фиолетов, А. И. Покровский допускали принципиальную возможность нового церковного правотворчества, актуального для современной действительности.

Для всех докладчиков Церковь являлась объективной реальностью. Церковь была представлена единой и единственной (а не множеством церквей епископов), государственной, клириков, мирян. Все докладчики поддерживали мнение, что соборность — это свойство Церкви, принцип ее жизни, характеристика единства всех верующих в ней. При обосновании необходимости большего участия клириков и мирян в церковных делах все они, за исключением А. И. Покровского, признавали особый статус архиерея в принятии решений. Одновременно не все из них поддерживали восстановление патриаршества, для многих это виделось угрозой соборности и поражением в правах прежде всего епископов, а не мирян. Достижение соборности не было требованием власти. Соборность стала концептом, обосновавшим желание единства верующих: мирян, клириков, епископов, осенью 1917 г. Открытие Собора и первые месяцы его работы были наивысшей точкой консолидации верующих в условиях хаоса и разобщенности революционного времени, а соборность — идейным стержнем и попыткой зафиксировать достигнутое единство для будущего. Профессоры и преподаватели университетов и духовных академий стали в данном случае теми, кто вербализовал и обосновал ожидания церковного сообщества.

Источники и литература

Источники

1. Арсений Стадницкий (2018) — *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник: на Поместный Собор 1917–1918. М., 2018.
2. Боголюбов (1908) — *Боголюбов Н.* Современный индивидуализм и «интеллигентное мешанство» // *Вера и разум.* 1908. № 19. С. 61–78.
3. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 220.
4. Документы (2015) — *Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.* Т. 5. М., 2015.
5. Лапин (1909) — *Лапин П. Д.* Собор как высший орган церковной власти (историко-канонический очерк). Казань, 1909.
6. Покровский (1914) — *Покровский А. И.* Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков: историко-каноническое исследование. С тремя приложениями и двумя картами. С. Посад, 1914.
7. Соколов (1904) — *Соколов И. И.* Константинопольская Церковь в XIX в. СПб., 1904. Т. 1.
8. Фиолетов (1917) — *Фиолетов Н. Н.* Рецепция (принятие) как источник церковного правообразования // *Юридический вестник.* 1917. № 1. С. 52–64.

Литература

9. Беглов (2016) — *Беглов А.* Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1 (34). С. 51–73.
10. Беглов (2021) — *Беглов А. Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021.
11. Вальер (2016) — *Вальер П.* Соборы как выявление Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 10–50.
12. Дестивель (2008) — *Дестивель И., свящ.* Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008.
13. Савва Тутунов (2011) — *Савва (Тутунов), игумен.* Епархиальные реформы. М., 2011.
14. Цыпин (2004) — *Цыпин В., прот.* Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917–1918 годов // Церковь и время. 2004. № 1. С. 156–167.
15. Jockwig (1971) — *Jockwig F.* Der Weg der Laien auf das Landeskonzil der Russischen Orthodoxen Kirche Moskau 1917/18. Werden und Werwirklichung einer demokratischen Idee in der Russischen Kirche. Wurzburg, 1971.
16. Oeldemann (1992) — *Oeldemann J.* Die Auswirkungen der Sobornost'-Lehre auf das Landeskonzil 1917/18 der Russischen Orthodoxen Kirche // Ostkirchliche Studien. 1992. № 41. S. 273–300.
17. Schulz (1995) — *Schulz G.* Das Landeskonzil der Orthodoxen Kirche in Rußland 1917/18 — ein unbekanntes Reformpotential. Gottingen, 1995.